



KUML

1960

KUML

KUML

ÅRBOG FOR JYSK ARKÆOLOGISK SELSKAB

1960

With Summaries in English
Mit deutschen Zusammenfassungen
С русскими текстами

JYSK ARKÆOLOGISK SELSKAB
SATTE DETTE KUML
FOR
JOHANNES BRØNDSTED
på 70-årsdagen den 5. oktober 1960

UNIVERSITETSFORLAGET I AARHUS
1960

Omslag:

Processionsøkse fra Brøndsted Skov.

Forside:

Seglsten fra Barbar-templet, Bahrain.

Redaktion:

P. V. GLOB

Copyright 1960

by

Jysk Arkæologisk Selskab

Printed in Denmark

by

Aarhus Stiftsbogtrykkeri A/S

Clicheer:

Hammerschmidt - Århus

INDHOLD

<i>P. V. Glob</i> : Johannes Brøndsted	6
<i>Bent Sylvest</i> og <i>Inger Sylvest</i> : Årupgårdfundet	9
<i>H. Hellmuth Andersen</i> : Køkkenmøddingen ved Mejlgård	26
<i>Oscar Marseen</i> : Ferslev-Huset	36
<i>Henrik Thrane</i> : En bronzeskål fra Ålborgeggen	56
<i>Poul Kjærum</i> : Stensatte Jernalder-Kældre i Vendsyssel	62
<i>Jytte Lavrsen</i> : Brandstrup	90
<i>O. Crumlin-Pedersen</i> : Sideroret fra Vorså	106
<i>Peter Riismøller</i> : Nålemageren i Strandstien	117
<i>V. V. Pokhljobkin</i> og <i>V. B. Vilinbakhov</i> : Nogle ord i anledning af prof. A. Stender-Petersens hypotese	135
<i>Ad. Stender-Petersen</i> : Svar på <i>V. V. Pokhljobkins</i> og <i>V. B. Vilinbakhovs</i> be- mærkninger	137
<i>Kristian Jeppesen</i> : Et kongebud til Ikaros	153
<i>Otto Mørkholm</i> : Græske mønter fra Failaka	199
<i>P. V. Glob</i> : Danske arkæologer i Den persiske Golf	208
Jysk Arkæologisk Selskab	215
Register for Kuml 1951-1960	217

CONTENTS

<i>P. V. Glob</i> : Johannes Brøndsted	8
<i>Bent Sylvest and Inger Sylvest</i> : The Årupgård Hoard	23
<i>H. Hellmuth Andersen</i> : Der Muschelhaufen bei Mejlgård	34
<i>Oscar Marseen</i> : The Ferslev House—a Cult-Building from the Passage-Grave Period	53
<i>Henrik Thrane</i> : A Bronze Cup from the Ålborg Area.....	60
<i>Poul Kjærum</i> : Stone-set Iron Age Cellars in Vendsyssel	88
<i>Jytte Lavrsen</i> : Brandstrup. A 10th Century Cavalry Grave	104
<i>O. Crumlin-Pedersen</i> : The Steering Oar from Vorså	115
<i>Peter Riismøller</i> : Der Nadler in Strandstien	130
<i>V. V. Pokhljobkin</i> og <i>V. B. Vilinbakhov</i> : Несколько слов по поводу гипотезы проф. Стендер-Петерсена	132
<i>Ad. Stender-Petersen</i> : Ответ на замечания В. В. Похлебкина и В. Б. Вилинбахова.....	144
<i>Kristian Jeppesen</i> : A Royal Message to Ikaros	187
<i>Otto Mørkholm</i> : Greek Coins from Failaka	205
<i>P. V. Glob</i> : Danish Archeologists in the Persian Gulf	212
Index to Kuml 1951-1960	217

bestemt fra det Volgabulgarske rige, som indtil videre anses for at være denne dyrkelses spredningsarve for det gamle Ruslands vedkommende²⁰).

Således vidner ikke blot keramikken eller andre genstande i Ladoga, men også de direkte spor af Ladogas landbrugsproduktion overbevisende imod A. Stender-Petersens forslag. De betingelser, hvorunder runestaven fra Gamle Ladoga blev fundet, og som er grundigt beskrevet i *Skrifter om Skandinavien (Skandinavskij sbornik)*, bd. IV, viser aldeles bestemt i det mindste to kendsgerninger: 1) at runeindskriften indtil videre er den eneste og efter alt at dømme tilfældige nordiske genstand fra den nederste horisont *e*, og 2) at hele det omgivende arkæologiske materiale (både det, der umiddelbart omgiver runestaven, og det, der omgiver den i videre udstrækning) vidner om den pågældende bebyggelses slaviske karakter. Det er derfor vi mener, at runeindskriften fra Gamle Ladoga ikke på nogen måde kan betragtes som *the missing link*, der kunne støtте den *normannistiske* teori. Snarere tværtimod.

NOTER – ССЫЛКИ

¹) A. Stender-Petersen, »Runestaven fra Ladoga«, *Kuml* (Århus 1958), 117–124. ²) *Ibidem*, 124. ³) A. Stender-Petersen, *Varangica* (Århus 1953). ⁴) V. I. Ravdonikas - K. D. Lausjkin: »Об открытии в Старой Ладогe рунической надписи на дереве в 1950 году«, *Скандинавский Сборник IV* (Таллин 1959), 23–43. ⁵) *Monumenta Germaniae Historica, Scriptores* (ed. Pertz), I (Hannover 1824), 158. ⁶) *Ibidem*, I, 532. ⁷) V. A. Mosjin, »Начало Руси. Норманны в восточной Европе«, *Byzantinoslavica III : 2* (Praha 1931), 286. ⁸) *Annales Fulden-des, ad annum 889*. ⁹) Helmolt I, cap. 53, – *Monumenta Germaniae Historica, Scriptores*, I, 408. ¹⁰) *Math. Westm. Bromton Chronic ap. Twysden*. ¹¹) W. Hensel: *Slowianszczyzna wczesnosredniowieczna* (Warszawa 1956), 38. ¹²) V. I. Ravdonikas: »Старая Ладoga«, *Советская Археология* (1950) XI, 39–40, ¹³) V. I. Ravdonikas: *Ibidem* XI (1949). ¹⁴) Stender-Petersen, »Runestaven etc.«, 123. ¹⁵) V. I. Raudonikas, »Die Normannen der Vikingerzeit und das Ladoga-Gebiet«, *Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar* 40 : 3 (Stockholm 1930), 19. ¹⁶) *Skrifter om Skandinavien (Скандинавский Сборник) IV*, 26 etc. ¹⁷) *Ibidem*, 44. ¹⁸) M. M. Jakubtsiner: »О составе зерновых культур в Старой Ладогe«, *Краткие Сообщения Института Истории Материальной Культуры* 57 (1955), 20. ¹⁹) *Ibidem*, 21. ²⁰) E. A. Stoletov: »Полба-эммер«, *Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции XIV:1* (Ленинград 1925), 38.

Svar på V. V. Pokhljobkins og V. B. Vilinbakhovs bemærkninger

Af Ad. Stender-Petersen

Dr. V. V. Pokhljobkin, som er hovedredaktør for tidsskriftet *Skandinavskij Sbornik (Skrifter om Skandinavien)*, og hans medarbejder, cand. phil. V. B. Vilinbakhov har gjort min artikel til genstand for en kritisk granskning. Jeg hilser med glæde den lejlighed, der derved tilbydes sig til et direkte meningsskifte med repræsentanter for den sovjetiske forskning angående visse stridsspørgsmål, som både de russiske og de nordiske videnskabsmænd, der befatter sig med

udforskningen af det såkaldte *varægiske* eller *normanniske problem*, må være i lige høj grad interesseret i at løse. Det har længe været på tide at frigøre sig for alle forudfattede meninger og med fælles hjælp forsøge at få det klarert i strengt videnskabelig ånd og under hensyntagen til alle de faktorer, der indgår i det. Naturligvis må en alsidig løsning af problemet i hele dets udstrækning foreløbig være overladt til fremtiden. Men i dette tilfælde kan jeg begrænse mig til at svare på enkelte påstande, der er fremsat i ovennævnte artikel.

Mine opponenter betoner i *den første halvdel* af deres artikel med rette, at spørgsmålet om den såkaldte *vikingebevægelses* opståen ikke bør betragtes som et isoleret problem indenfor Skandinaviens historie, men som et problem af mere kompliceret art. Imidlertid ligger det komplicerede ikke – som mine opponenter mener – i, at vikingebevægelsen var en fællesbaltisk foreteelse, i den forstand, at også andre, ikke-nordiske Østersø-folk, fremfor alt slaverne, tog aktiv del i *vikingetogterne* fra de ældste tider. De påstår, at de middelalderlige krønikeskrivere brugte udtrykket *normanner* som betegnelse for »hele summen af Østersø-folk«, og henviser til en række angivne kilder. Desværre må jeg sige, at ikke en eneste af disse henvisninger holder stik. Jeg tillader mig at vise dette punkt efter punkt:

1. Når mine opponenter i de såkaldte *Annales Laurissenses*, der omfatter årene 741–829, finder en meddelelse om, at Vidukind, de hedenske saksers fører, som var fjendtlig sindet mod Karl den Store og ønskede at hævde sit vestelbiske territoriums integritet, i året 777 udeblev fra den af den mægtige kejser indkaldte rådslagning, men foretrak at flygte *in partes Nordmanniæ*, mener de at kunne tilskrive dette udtryk betydningen »alle nordlige lande«, åbenbart inkl. de slaviske. For slet ikke at tale om, at de østelbiske slaver ikke i krønikeskriverens øjne kunne befinde sig nordfor, men kun østfor eller nordøstfor Karl den Stores rige og saksernes område, så er en sammenligning af det pågældende sted med det tilsvarende sted i Karl den Stores biograf Einhards samtidige annaler tilstrækkelig til klart og tydeligt at vise, at der på dette sted kun kan være tale om Danmark, som Vidukind da også faktisk flygtede til.

2. Af en eller anden grund tror mine opponenter, at de frankiske annaler under normanner ikke blot forstår folk fra de nordiske lande, men også »hele den befolkning og alle de lande, der i det 8de–10de århundrede befandt sig under de danske kongers herredømme«. De henviser i denne forbindelse til *Chronicon de gestis Normannorum in Francia*, der omfatter tiden fra 837 til 891, og som hovedsagelig henter sit stof fra *Annales Bertiniani*. Det er åbenbart følgende passus i annalistens indledningsord, der har ført dem på vildspor: *Northmanni, procedentes de Scanzia insula, que Northwegia dicitur, in qua habitant Gothi et Huni, atque Daci ...* Annalisten ville åbenbart glimre med sin temmelig overfladiske viden og tilføjede noget, som var opfundet af ham selv og var af meget lav kvalitet. Goterne kan man måske endnu akceptere, i vikingetogterne deltog også de svenske goter eller gauter, som kom fra Götland, dakerne er nok bare danerne, dvs. danskerne, men siden de havde fået det klassiske navn for de barbariske daker, føjede han også hunnerne til. Slaverne er der imidlertid overhovedet ikke tale om her.

3. Under henvisning til en afhandling af V. A. Mosjin påstår mine oppo-

nenter, at der »findes talrige vidnesbyrd« »om at skandinaverne og Østersø-slaverne deltog i fællesskab i togter«, imidlertid er der i de kilder, som Mosjin henviser til, udførligt tale om, hvordan de danske konger udnyttede de slaviske stammer, der grænsede op til det danske rige, ikke blot i deres indbyrdes broderkrige, men også i organiserede overfald mod sakserne, danskernes og slavernes fælles naboer. Det var ikke vikingetogter over havet, men de danske kongers bevidste ekspansion over land. Og hvad angår de formentlige fælles overfald, som danerne, nordmændene, goterne, svenskerne, *venderne* og friserne skal have foretaget på England, og som de engelske krøniker menes at tale om, så har Mosjin åbenbart misforstået udtrykket *Wandali*, som naturligvis hverken betegner folkevandringstidens germanske vandaler eller de slaviske vender, men Nordjyllands indbyggere (*Vendle*, det nuværende *Vendsyssel*), hvorfra de berømte vandaler formodentlig i sin tid var emigreret.

4. En misforståelse, som mine opponenter desværre gentager, er også Mosjins påstand, at Fulda-annalerne skulle betegne slaverne som normanner. Når man opmærksomt læser det sted igennem, som Mosjin påberåber sig, viser det sig, at han ved at udelade kommateringen gav det en forvansket mening. I kilden står der følgende: *Advenientibus etiam ibidem* (dvs. til mødet i Forchheim) *undique nationum legati Northmanorum scilicet ab aquilone, Sclavanorum, pacifica optantes, quos rex audivit et sine mora absolvit*. Til mødet havde åbenbart gesandter fra alle nabofolk, der boede udenfor riget, indfundet sig, både fra normannerne og slaverne. Om en identitet mellem dem kan der slet ikke være tale.

5. Fuldstændig uforståelig for mig er mine opponenter henvisning til et sted hos Helmold, som de efter Mosjins forbillede tolker således, at »slaver og normanner, blandet indbyrdes sammen, udgør befolkningen i forskellige områder«. I virkeligheden taler Helmold om, at der i grænseområderne mellem Tyskland, på den ene side, og slaverne og danskerne, på den anden, var blevet oprettet »marker«, der var blevet befolket med alle vegne fra sammenkrabede mennesker, der var i stand til at forsvare riget takket være den krigserfaring, de havde erhvervet i kampene både med danerne og med slaverne.

6. Uden angivelse af kilder, som de eventuelt støtter sig til, hævder mine opponenter, at de sarmater, der i normannerens skarer hærgede de frankiske kyster, må have været slaver. Uden at have nogen mulighed for at verificere den kontekst, hvori sarmaterne bliver nævnt, er jeg på forhånd indstillet på at mene, at der her kun kan være tale om en metaforisk anvendelse af et klassisk navn for et barbarfolk (i stil med hunnerne).

7. Mine opponenter påstand, at østhandelen havde en langt større betydning for Østersø-folkene end vesthandelen, må jeg betragte som ubegrundet, da de ikke kan henvise til kilder. Østersø-handelen har aldrig været udelukkende orienteret mod vest eller mod øst. Den var fra sin første begyndelse baseret på vareombytningsprincippet og var i sit væsen en international transithandel, der forbandt øst med vest. Netop i den såkaldte vikingetid opstod der samtidig et helt system af handelsmæssige støttepunkter (byer), over hvilke de (i videste forstand) østlige varer blev dirigeret vestpå og de (igen i videste forstand) vestlige varer østpå. Sådanne støttepunkter var det danske Hedeby (*Haithabu*)

i nærheden af Slesvig og det svenske Birka i Mälaren, som allerede eksisterede fra slutningen af det 8de århundrede. Det vestligste punkt i dette system var Dorestad i Frisland, hvorfra der gik en direkte vej opad Rhinen ind i det Frankiske rige, mens det østligste punkt indtil videre var Ladoga, hvorfra der gik en direkte vej nedad Volga-floden ind i det Bulgarske og det Khazariske rige og videre til det Kaspiske hav. En stor rolle spillede i denne handel på den ene side friserne, på den anden araberne. Meget snart begyndte nordboerne at træde i deres sted. Det forekommer mig, at det ville være meget frugtbart at studere Ladoga som en bestanddel i denne transithandel. I så henseende var Ladoga Novgorods forgænger, og hele handelssystemet, som der her har været tale om, en foreløber til Hansaen. At slutte af disse kendsgerninger, at den normanniske bevægelse eller vikingebevægelsen også omfattede slaverne er efter min mening ganske umuligt. Men hvad angår den omstændighed, at de oldnordiske sagaer kun omtaler krigeriske (og jeg ville tilføje: handelsmæssige) foretagender, men ikke fredelige migrationer mod øst, så finder dette sin ganske simple forklaring i, at sagaerne opstod på et sådant tidspunkt, da både vikingebevægelsen og sveernes migration for længe siden havde mistet enhver interesse for sagaforfatterne.

Således falder én efter én alle argumenter for den tanke, at man bør henregne også Østersø-slaverne til vikingerne eller normannerne. Til gengæld vil jeg slet ikke benægte, at der i 9de–11te århundrede rådede (og slet ikke kunne undlade at råde) reelle fredelige og krigeriske relationer mellem danskerne og de østelbiske slaver. Om arten af disse relationer kan mine opponenter lettest skaffe sig en orientering på grundlag af min bog *Varangica*, som de kender (især s. 60–62), og af min interpretation af den betydning og den udvikling ordet *vitjaz* havde fået hos de østelbiske slaver (s. 58 ff.). Jeg vil tilføje, at de danske konger efterhånden begyndte at hverve slaver til deres hære, og at venderne med tiden gav sig til selvstændigt at hærge de danske øer, blandt hvilke en bærer vidnesbyrd i stednavnene om vendiske bosættelser. Men alt dette berettiger os ingenlunde til at henregne slaverne til vikingerne eller normannerne. Forskellen mellem disse og slaverne stod altid klar for middelalderens annalister.

I anden halvdel af deres artikel går mine opponenter ind på en konkret kritik af min teori om en fredelig og gradvis fremtrængen af skandinaverne, d.v.s. sveerne, mod øst. Jeg kalder dem bevidst sveer og ikke svenskere, fordi jeg ikke har hele det nuværende Sverige for øje, som også omfatter områder, hvor der dengang boede daner, men kun de dele af Sverige, hvor sveerne, skilt fra de forrige ved tætte urskove, boede. For principielt at tydeliggøre min version af *normannismen* vil jeg gerne understrege, at jeg trækker et bestemt skel mellem de egentlige krigeriske søkspeditioner, som *vikingerne* gennemførte for at erobre kulturelt højerestående vesteuropæiske lande eller dele af sådanne lande, på den ene side, og sådanne mere eller mindre samtidige fredelige bevægelser, som nordboerne foretog for at tilegne sig herreløse områder, på den anden side. For den slags bevægelser findes det særlige nordiske udtryk *landnam* (på tysk *Landnahme*). En sådan bevægelse førte emigrerende norske kolonister helt fra begyndelsen af det 9de århundrede til Færøerne og Island. Den afsluttedes tilsyneladende omkring 930. Det var til at begynde med en spontan

bevægelse, som imidlertid senere blev politisk aktiveret som følge af, at kong Harald Hårfagre imellem 860 og 930 skabte en stærk monarkisk magt i Norge. Men betydeligt tidligere, allerede i det 6te–7de århundrede begyndte en monarkisk stat at udvikle sig i sveernes område, og der er ingen tvivl om, at den af sveernes konger gennemførte voldelige forening af sveernes og gauternes adskilte stammer fremkaldte en spontan udvandring mod øst, over Ålands-øerne og langsmed de sydfinske kyststrækninger over Neva-floden og Ladoga-søen, af de med det nye samfundssystem utilfredse svenske bønder. Dette var ikke en vikingebevægelse, og der er ikke tale om nogen vikinger øst om Østersøen og den Finske bugt, men det var netop et fredeligt *landnam*, en infiltration af svenske bønder i grænseområderne mellem de uorganiserede finske stammer (tjuderne, karelerne, voterne, vepserne og mererne) og de sydfra langsomt fremrykkende slaver. Når mine opponenter benægter rigtigheden eller bare sandsynligheden af min teori uden at sætte en anden i stedet, får man indtrykket af, at de foretrækker den traditionelle version af *normannismen* og betragter de fra hinsides havet opdukkende *væring*er som erobrere, der var ganske analoge med de vestlige vikinger. Min teori er derimod bygget på den forudsætning, at der opstod en kulturel symbiose mellem de finske, slaviske og nordiske stammer. Men jeg skal atter svare mine opponenter punkt efter punkt:

1. Ladoga-navnets historie viser tydeligt, at den oprindelige befolkning med hensyn til sin etniske karakter må have været finsk og ikke slavisk. Navnet kommer enten fra det finske ⁺*Alodejoki* eller fra det ligeledes finske ⁺*Aaldokas*¹⁾, som er bevaret i den oldnordiske form *Aldeigju-borg*, medens det på russisk, i kraft af den såkaldte likvida-metatese, blev til Ladoga. Deraf slutter vi med bindende logik, at de nordiske sveer lærte dette stednavn at kende ikke i dets russisk-slaviske lydform, men i den finske. Naturligvis har jeg heller aldrig hævdet, at Ladoga var grundlagt af nordboerne. I sit på tysk skrevne interessante arbejde har V. I. Ravdonikas også udtalt den overbevisning, at Ladogaområdet og selve Ladoga by fra de ældste tider havde været befolket af finske stammer, der stod karelerne nær, og jeg tænker, at han havde ret. Det viser sig imidlertid nu, at dømme efter hans afhandlinger i bind XI og XII af tidsskriftet *Sovetskaja Arkheologija* (1949–50), at han betragter Ladoga som en oprindelig slavisk bebyggelse, idet han samtidigt rykker den ældste horisont i de af ham foretagne udgravninger tilbage til det 7de århundrede. Jeg er naturligvis fuld af beundring for det kolossale og pertentlige arkæologiske arbejde, som han og hans medarbejdere har gennemført, men jeg anser hans kronologi, som er blevet kritiseret af den polske forsker Konrad Jażdżewski i en sober afhandling²⁾, og hans teori om Ladogas oprindelige slaviske karakter for overordentlig lidet overbevisende. Som man kan se af hans egen artikel i bind IV af tidsskriftet *Skandinavskij Sbornik* divergerer selv de sovjetiske forskere indbyrdes i så henseende. Således har f. eks. A. L. Mongajt i en anmeldelse, der findes i tidsskriftet *Voprosy istorii* for 1957, ikke anset det for muligt at betragte Ladoga som en typisk russisk by. Personlig slutter jeg mig til den svenske arkæolog Holger Arbman's mening³⁾, som findes citeret hos Ravdonikas, og som går ud på, at Ladoga oprindeligt var en finsk bebyggelse.

2. Hvad angår inddelingen af Ladogas horisonter, så fandt jeg og finder jeg

ingen anledning til at tro, at Ravdonikas i sin tyske bog fra 1930 forholdt sig negativt overfor Repnikovs inddeling af dem i en finsk, en normannisk og en egentlig russisk horisont. Han akcepterede tværtimod åbenbart denne inddeling, idet han indførte en vis præcisering i den. Ganske vist har han nu, mere end 25 år senere, i sine afhandlinger i *Sovetskaja Arkheologija* og i *Skandinavskij Sbornik* ændret sin mening og anser nu den ældste horisont hverken for finsk eller for normannisk, men for slavisk. Imidlertid forekommer hans argumentation mig desværre at være særdeles svag. Jeg tror, at spørgsmålet om bjælkebygningens type såvel i hans horisont *e* som i hans horisont *d* ikke kan løses definitivt uden en sammenligning med den finske bygningstype og den bygningstype, vi finder i udgravningerne af nordiske byer, samtidig med Ladoga.

3. På spørgsmålet om, hvornår runestaven kom til Ladoga, specielt til dets ældste horisont, finder Ravdonikas det vanskeligt at svare, idet han dog betragter en indbyrdes kulturpåvirkning mellem slavernes nordlige gren (jeg ville sige: det ældste Ladogas finske befolkning) og nordboerne for bevist for denne periode. Jeg anser det ikke for udelukket, at staven kom fra horisont *d* ned i horisont *e*. Ravdonikas regner med to mulige hypoteser: 1) at staven er blevet bragt til Ladoga af en nordbo, og 2) at en slavisk Ladoga-bo kan have medbragt den fra Norden »til erindring om sin rejse«. Jeg bekender, at den anden hypotese forekommer mig ganske uacceptabel på grund af den sentimentalt-romantiske fortolkning af staven som en turists souvenir. Hvor kan det være, at denne slaver, som ikke engang forstod betydningen af den magiske runeindskrift på staven, behandlede sin souvenir så sjusket, at den havnede i en bunke husholdningsaffald? I øvrigt skal jeg i parentes bemærke, at staven i modsætning til den horisont, hvor den blev fundet, ikke bar spor af den »store og samtidige ildebrand«, som Ravdonikas betragter som et stratigrafisk kriterium for en distinktion mellem horisont *e* og de øvrige horisonter. Burde man ikke slutte, at staven fandt vejen til den nedre horisont fra en højere liggende? Og bør man ikke overhovedet spekulere lidt nærmere over denne ildebrand, som måske var identisk med den, der er tale om i det oldislandske digt *Bandadrapa*, som skjalden Eyolf skrev til ære for den norske jarl Erik, der bl. a. overfaldt Ladoga i slutningen af det 10de århundrede på Vladimir den Helliges tid og brændte det ned til bunden?⁴⁾

4. Mine opponenter tilskriver mig af en eller anden grund den anskuelse, at det svenske (nordiske) landbrug stod højere end det slaviske (jeg ville sige: finske). Jeg har ikke påstået noget lignende, men tror tværtimod, at det nordiske, det finske og det nordrussiske landbrug stod omtrent på samme ret primitive niveau. Nu har Ravdonikas fundet et jernskær i en af de nederste horisonter, og mine opponenter slutter deraf, at landbruget stod meget højt i Ladoga. En umiddelbar model til det af Ravdonikas i *Sovetskaja Arkheologija*, bd. XII, s. 40 offentliggjorte foto vil mine opponenter finde i fotoet af et af de jernskær, som man har fundet i forskellige dele af Skandinavien, inkl. Finland, og som min kollega, arkæologen P. V. Glob har offentliggjort i sit værk⁵⁾. Han var tilbøjelig til at henføre dem til 9de-10de århundrede. Men det eksemplar af et jernskær, som man har fundet på Gotland, henføres nu allerede til det 6te-7de århundrede⁶⁾. Hvis man vil, kan man af denne kronologi slutte, at

Ladoga-jernskæret stammer fra Sverige, men jeg insisterer bestemt ikke på denne tanke.

5. I det sidste afsnit af deres kritiske afhandling understreger mine opponenter særlig stærkt, at Ladogas ældste indbyggere (efter Ravdonikas kronologi i en tid, der svarer til horisont *e*) foruden hvede, hirse, byg, havre og rug også kendte den tokornede spelt, og i den omstændighed, at man fandt spelt i »Ladogas kornarsenal«, ser de en kendsgerning, som er »et stort slag« imod min teori, der formenes at være baseret på tanken om det nordiske landbrugs højere stade. Det er første gang, man finder en sådan korndyrkelse i Rusland. Mine opponenter påstår, at spelt »hverken i oldtid eller i nutid var kendt være sig i Finland eller i de tilgrænsende nordiske lande«. Jeg gentager, at jeg ingen steder har hævdet det nordiske landbrugs højere stade. Imidlertid er jeg nødt til at konstatere, at mine opponenter tager fejl, når de tror, at spelt var ukendt hos nordboerne. Som påvist af H. Hjelmqvist⁷) med støtte i frøaftryk på forhistorisk nordisk keramik, var spelt kendt hos svenskerne allerede i den yngre jernalder ved siden af hvede, rug, havre osv. De ældste fundsteder for spelt var efter Hans Helbæks nyeste undersøgelser⁸) Svejts (bronzealder), Elsass (jernalder), England (tidlig jernalder og romersk tid), Danmark (senere bronzealder), Gotland (senere jernalder) og Norditalien (tidlig bronzealder). Denne forfatter bemærker, at spelten ikke udbreder sig af sig selv, men er knyttet til de etniske grupper, der spredte sig ud fra Centraleuropa. De gentagne påstande om, at spelt findes i Rusland og Tyrkiet, betragter han som ubevist. Jeg har ingen mulighed for at sammenligne hans resultater med dem E. A. Stoletov når frem til, specielt hans påstand, at spelt dyrkedes »fra de ældste tider« hos de pomoriske (pommerske?) slaver, og at den kan være kommet til Ladoga fra Kama- og Mellemvolga-områderne, og lader derfor spørgsmålet om oprindelsen af Ladogas spelt åbent. Jeg skal blot understrege, at dens nordiske oprindelse aldeles ikke er udelukket. Det slag, som mine opponenter har rettet mod mig, er således ingenlunde tilintetgørende, snarere tværtimod.

6. For at undgå alle videre misforståelser skal jeg tilsidst præcisere min tanke om de nordiske sveers fremtrængen til Ladoga som en kolonistbevægelse og ikke som en erobrerbevægelse. Udgangspunktet for min teori var den svenske slavist Richard Ekblom⁹) stammende etymologi for ordet *Rus'*, som kom fra det finske *Rötsi* = *Ruotsi*, der betød og indtil nu betyder »Sverige«, og som genspejler det første element i det svenske ord *röds-karl*, dvs. »en mand, der bor og bygger ved beskyttede vandstræder«. Dette spørgsmål er for mig af central betydning, fordi jeg af denne etymologi udleder min påstand om sveernes fredelige udvandring mod øst. Jeg er med andre ord i opposition til den i den nordiske forskning fremherskende romantiske teori om, at det russiske riges opståen skyldes en direkte erobring af det russiske område ved nogle svenske vikinger, der aldrig har eksisteret¹⁰). En sådan erobring af *den store vandvej fra væringerne til grækerne* begyndte først med Háskulds, Dyres, Helges, Ingvars historiske ekspeditioner, efter Novgorods indtagelse, ad Dnjepr-floden mod Kijev. Men mellem svenskernes udvandring fra det østlige centrale Sverige, hvor der tidligere end i andre nordiske lande var opstået et stærkt rige under svea-kongernes vælde (*Svea-riki*), på den ene side, og udvandringen fra Ladoga

og derefter også fra Izborsk, Beloozero og Novgorod, af de russisk-svenske hirdmasser under lokale kongers førerskab, på den anden side, var der er langvarigt tidsmellemrum. Netop i dette mellemrum foregik en spontan ikke-statlig bevægelse af »folk, der boede ved de sikrede vandveje«, en bevægelse, der fortsatte den århundredgamle migration fra den *vagina nationum*, som allerede Jordanes taler om, mod øst, og som måske blev aktiveret ved, at der opstod en kongestat i Sverige. Men samtidigt fandt der igennem århundrederne en bevægelse sted opad Dnjepr fra syd mod nord: det var den slaviske stamme, som nåede frem til Ilmen-søen og derfra videre nordpå og kom i kontakt med finske stammer. Det er disse tre etniske grupper – nordboerne, finnerne og slaverne –, som mødtes i Ladoga-området. Deres kulturelle niveau var sandsynligvis det samme, og deres symbiose var fredelig. Men den statstradition, som de nordiske sveer medførte til Ladoga-området, blev her aktiveret ved, at både de selv og finnerne og slaverne, som ingen statstradition havde, var truet i deres eksistens fra de to store Volga-kaganater, og derfor opstod der til imødegåelse af Volgabulgarene og khazarerne, der krævede skat af dem, omkring Ladoga og derefter omkring Ilmen-søen under sveernes førerskab *den første russiske stat*, i hvis tilblivelse deltog både slaver og finner. Det er denne stat, som anmeldte sin eksistens såvel i Konstantinopel som i kejserstaden Ingelheim i vesten ved at udsende det første gesandtskab, som kunne fortælle, at deres stat hed *Rhōs*, og at den blev styret af en *khagan*. Dette skete i 839. Ikke ringe var kejserhofets forundring i Ingelheim, da det viste sig, at gesandterne talte svensk med hinanden.

Dette er mit standpunkt, og på trods af mine ærede opponenteres indsigelser fastholder jeg det, fordi det bedre end alle andre teorier forklarer den kendsgerning, at tre indbyrdes forskellige stammer koeksisterede i den nordlige del af det russiske område, og den kendsgerning, at der her opstod den første russiske stat (khaganat) i første halvdel af det 9de århundrede¹¹).

Ответ на замечания В. В. Похлебкина и В. Б. Вилинбахова

Редактор *Скандинавского Сборника*, доктор В. В. Похлебкин, и сотрудник его, кандидат филологических наук В. Б. Вилинбахов, подвергли мою статью критическому анализу. Я приветствую представившуюся таким образом возможность непосредственного обмена мнениями с представителями советской науки по некоторым спорным вопросам, в решении которых одинаково заинтересованы как русские, так и скандинавские исследователи так называемого *варяжского* или *норманнского* вопроса. Давно пора отрешиться от предвзятых мнений и в духе строгой научности, с учетом всех входящих в этот вопрос обстоятельств, решить его общими силами. Конечно, всестороннее решение этого вопроса в его целом остается пока делом будущего. Но в данном случае я могу ограничиться ответом на выдвинутые в указанной статье отдельные положения.

Мои оппоненты в первой части своей статьи подчеркивают с полным правом, что вопрос о возникновении так называемого *движения викингов* следует рассматривать не как вопрос об изолированном явлении в истории Скандинавии, но как вопрос о явлении более сложного характера. Однако сложность его не состоит – как думают мои оппоненты – в том, что оно является якобы общебалтийским явлением, именно в том смысле, что в *походах викингов* уже с древнейших времен будто бы принимали активное участие и другие, не-скандинавские, прибалтийские народы, прежде всего славяне. Они утверждают, что средневековые хронисты под *норманнами* подразумевали «совокупность балтийских племен» и ссылаются на ряд указанных ими источников. К сожалению, я должен сказать, что ни одна из этих ссылок не выдерживает критики. Позволю себе показать это по пунктам:

1) Встречая в так называемых *Annales Laurissenses*, обнимающих период от 741-го до 829-го года, сообщение о том, что в 777-м году вождь языческих и враждебных Карлу Великому саксов Видукинд, желавший отстоять независимость своей территории по западной стороне Эльбы или Лабы, не явился на созванное могучим Карлом совещание, а бежал *in partes Nordmanniae*, мои оппоненты приписывают этому выражению значение «всех северных стран», в том числе, очевидно, и славянских. Не говоря уже о том, что для хрониста залабские славяне никоим образом не могли жить на север, а только на восток или северо-восток от империи Карла Великого и территории саксов, сравнение с параллельными и одновременными анналами Эйнгарда, биографа Карла, воочию показывает, что здесь имеется в виду исключительно Дания, куда в действительности и бежал Видукинд.

2) Моим оппонентам почему-то кажется, что франконские анналы под *норманнами* подразумевают не только выходцев из скандинавских стран, но и «все население и все страны, бывшие в VIII–X вв. под властью датских королей». Они при этом ссылаются на *Chronicon de gestis Normannorum in Francia*, обнимающее время от 837-го до 891-го года и почерпнутое главным образом из Бертинианских анналов. Их очевидно привело в заблуждение вступительные слова этого анналиста: *Northmanni, procedentes de Scanzia insula, quae Northwegia dicitur, in qua habitant Gothi et Huni, atque Daci*. Анналист, очевидно хотел блеснуть своими поверхностными познаниями и прибавил отсебятину самого плохого качества. Готов можно еще принять, в походах принимали участие и шведские готы или гауты, жители Гэтландии, под *даками* он подразумевает данов, т.-е. датчан, но придав им классическое название варварских *даков*, он присовокупил для полноты картины еще и *гуннов*. О славянах в данном случае вообще не говорится.

3) Ссылаясь на статью В. А. Мошина, мои оппоненты говорят, что «имеются многочисленные свидетельства» о совместных походах скандинавов и балтийских славян, однако в источниках, на которые ссылается Мошин,

говорится пространно об использовании датскими королями славянских племен, граничивших с датским государством, не только в их междуусобных распрах, но и в организованных нападениях на пределы саксов, общих соседей и датчан и славян. Это были не морские походы викингов, а сознательная экспансия датских королей на суше. А что касается совместных нападений якобы данов, норвежцев, готов, шведов, *вендов* и фризов на Англию, о которых будто бы говорят английские хроники, то Мошин явно неправильно истолковал выражение *Wandali*, под которыми нужно понимать не германских вандалов эпохи миграций народов и не славянских вендов, а уроженцев северной Ютландии (*Vendle*, теперешнее *Vend-syssel*), из которой в свое время предположительно эмигрировали знаменитые вандалы.

4) Недоразумением, к сожалению повторяемым моими оппонентами, является также утверждение Мошина, что Фульдские анналы будто бы называют славян норманнами. Если внимательно прочесть то место, на которое ссылается Мошин, то оказывается, что он, опустив запятое, придал ему извращенный смысл. В источнике читается вот что: *Advenientibus etiam ibidem* (на совещание в Форхгейме) *undique nationum legati Northmannorum scilicet ab aquilone, Sclavonorum, pacifica optantes, quos rex audivit et sine mora absolvit...* На совещание очевидно прибыли делегаты всех соседних народов, живших вне пределов Империи, и норманнов и славян. О тождественности их не может быть и речи.

5) Совершенно непонятным является для меня ссылка моих оппонентов на одно место в хронике Гельмольда, которое они, вслед за Мошиным, толкуют в том смысле, что «славяне и норманны, перемешанные между собой, образуют население разных областей». На самом деле у Гельмольда идет речь о том, что в пограничных областях между Германией с одной стороны, и славянами и датчанами с другой, были созданы «марки», заселенные собранными со всех сторон людьми, умеющими защищать государство благодаря военному опыту, приобретенному ими в столкновениях и с данами и со славянами.

6) Без обозначения источника, на который они опираются, мои оппоненты утверждают, что под сарматами, опустошавшими будто бы в числе норманнов франконские берега, следует понимать славян. Не имея возможности проверить контекст, в котором появляются эти сарматы, я наперед склонен думать, что здесь только может быть речь о переносном употреблении классического наименования варваров (вроде гуннов).

7) Утверждение моих оппонентов, что восточная торговля имела для балтийских народов преимущественное значение по сравнению с западной, я принужден считать голословным, так как они не ссылаются на источники. Торговля, шедшая по Балтийскому морю, никогда не была исключительно ориентирована ни на Запад, ни на Восток. Она с самого начала была основана на принципе обмена товаров и была по существу транзитной междуна-

родной торговлей, соединявшей Восток с Западом. Именно в так называемую эпоху викингов возникла одновременно целая система опорных торговых пунктов-городов, через которые восточные (в самом широком смысле) товары направлялись на Запад, а западные (опять-таки в самом широком смысле) на Восток. Такими опорными пунктами были датское Хедеби (*Haithabu = Hedeby*) около Шлезвига и шведское (свейское) Бирка на озере Мэлар, существовавшие уже начиная с конца VIII в. Самым западным пунктом этой системы был знаменитый город Дорестада в Фризланде, откуда шол прямой путь по Рейну в Франконскую Империю, а самым восточным до поры до времени Ладога, откуда шол прямой путь по Волге в Болгарское и Хазарское царства и на Хвалынское море. В этой транзитной торговле большую роль играли с одной стороны фризийцы, а с другой арабы. Очень быстро их начали сменять скандинавы. Мне поэтому кажется, что изучение Ладоги как входящего в транзитную торговлю пункта было бы очень плодотворным. Ладога в этом отношении была предшественницей Новгорода, а вся торговая система, о которой я говорю, предшественницей Ганзы. Заключать из этих фактов, что норманское движение, движение викингов, обнимало также славян, по-моему никак нельзя. Что же касается того, что в скандинавских сагах говорится только о военных (и прибавим: торговых) предприятиях, а не о мирных переселенцах на восток, то это объясняется очень просто: саги эти возникли в такие времена, когда и движение викингов и переселение свеев давным-давно потеряли всякий интерес.

Таким образом рушатся один за другим доводы в пользу мысли, что к викингам или норманнам нужно причислить и прибалтийских славян. Зато я нисколько не отрицаю, что в период от IX–XI века имелись и не могли не иметься реальные, мирные и военные, сношения между датчанами и залабскими славянами. О их характере мои оппоненты легче всего могут ориентироваться по известной им моей книге *Varangica* (особенно стр. 60–62) и по моему изложению значения и истории слова *вумязь* у залабских славян (стр. 58 и след.). Прибавлю еще, что с течением времени датские короли начали вербовать и славян в свои армии, а венды даже начали самостоятельно нападать на датские острова, на одном из которых имеются следы их поселений в виде вендских местных названий. Но все это никоим образом не дает нам права причислить славян к викингам или норманнам. Разница между ними и славянами всегда ясно осознавалась средневековыми анналами.

Во второй части своей статьи мои оппоненты уже возражают мне по существу, выступая против моей теории о мирном и постепенном проникновении скандинавов, т.-е. свеев, на восток. Я сознательно называю их свеями, а не шведами, так как имею в виду не всю теперешнюю Швецию, в которую входят и территории, заселенные тогда данами, а только ту часть ее, в которой жили отделенные от них дремучими лесами свеи. В

целях принципиального пояснения моей версии *норманнизма* мне хотелось бы подчеркнуть, что я провожу определенную границу между собственно военно-морскими экспедициями *викингов* в целях завоевания стоящих культурно высоко западно-европейских стран или частей таких стран, с одной стороны, и более или менее современным с эпохой викингов мирным движением скандинавов ради приобретения бесхозных пространств, с другой стороны. Для движений такого рода существует особое скандинавское название *Landnam* (по немецки *Landnahme*). Подобное движение привело норвежских эмигрантов-колонистов с самого начала IX в. на Фэрейские острова и в Исландию. Закончилось оно повидимому около 930-го года. Это было первоначально стихийным движением, которое, однако, активировалось политически вследствие создания в период от 860-го до 930-го года сильной монархической власти Гаральда Прекрасноволосого в Норвегии. Но гораздо раньше, уже в VI–VII вв., начала создаваться монархическая власть в области свеев, и нет сомнения в том, что проводимое свейскими конунгами насильственное объединение разрозненных племен свеев и гаутов вызвало стихийную эмиграцию на восток, через Аландские острова и вдоль южнофинского побережья через Неву и Ладожское озеро недовольных новым строем свейских бондов-землепашцев. Это движение не было движением викингов, о которых нет и помину на восток от Балтийского моря и Финского залива, а было именно мирным *ланднамом*, инфильтрацией скандинавских землепашцев в пограничные области между неорганизованными финскими племенами (чудью, карелами, водью, весью и мерею) и продвигающимися с юга славянами. Мои оппоненты, отрицая правильность или даже только правдоподобность моей теории, не заменили ее другой, и получается впечатление, что они, предпочитая традиционную версию *норманнизма*, видят в пришлых из-за моря *варягах* завоевателей, совершенно аналогичных западным *викингам*. Моя же теория основана на предпосылке культурного симбиоза финских, славянских и скандинавских племен. Однако, позволю себе опять-таки ответить моим оппонентам по пунктам.

1) История названия Ладоги убедительно показывает, что поселение ее по происхождению первоначально было финским, а не славянским. Происходит оно либо от финского *+Alode-joki* либо от финского же *+Aaldokas¹⁾*, которое сохранилось в древнескандинавской форме *Aldeigju-borg*, а в русском языке, в силу так называемой перестановки плавных, перешло в *Ладогу*. Из этого логически следует, что скандинавские свеи познакомились с этим местным названием не в его русско-славянском звучании, а в финском. Я, конечно, никогда не утверждал, что Ладога была основана скандинавами. В своей по-немецки написанной интересной работе В. И. Равдоникас также считал и Приладожье и самую Ладогу заселенными с древнейших времен финскими племенами, близкими к карелам, и я думаю, что он был прав. Оказывается, что он теперь, судя по его статьям в тт. XI и XII *Советской*

Археологии (1949–50), рассматривает Ладогу как исконно-славянское поселение, отодвигая древнейший горизонт раскопок, произведенных им, до VII в. Я, конечно, преклоняюсь перед громадной и щепетильной археологической работой, проделанной Равдоникасом и его сотрудниками, но считаю и хронологию его, подвергнушуюся трезвой критике польского исследователя Конрада Яжджевского²⁾, и теорию его об исконном славянском характере Ладоги чрезвычайно мало убедительными. Как видно из его статьи в т. IV *Скандинавского Сборника*, мнения по этому вопросу расходятся и среди советских ученых. Так напр. А. Л. Монгайт в рецензии, помещенной в *Вопросах истории*, т. 1957-го года, не считает возможным рассматривать Ладогу как типичный русский город. Лично я присоединяюсь к мнению шведского археолога Хольгера Арбмана³⁾, которого цитирует Равдоникас, и который считает Ладогу исконно-финским поселением.

2) Что касается деления горизонтов в Ладоге, то я не находил и не нахожу никакого повода думать, что Равдоникас в своей немецкой книге 1930-го года относился отрицательно к делению их у Репникова на финский, норманский и собственно русский. Он, напротив, тогда повидимому принимал такое деление, внося в него некоторое уточнение. Правда, теперь, спустя более 25 лет, он в своих статьях, напечатанных в *Советской Археологии* и в *Скандинавском Сборнике*, переменял свое мнение и считает древнейший горизонт не финским и не норманским, а славянским. Но его аргументация мне кажется к сожалению очень хрупкой. Мне думается, что вопрос о типе бревенчатого строительства как в горизонтах *e*, так и в горизонте *d* не может быть окончательно решен без сравнения с финским типом построек и типом построек, находимых в скандинавских раскопках городов, одновременных с Ладогой.

3) На вопрос о том, как попала палочка-стержень с рунической надписью в Ладогу, специально в древнейший слой ее, Равдоникас затрудняется ответить, считая культурное взаимодействие между северной ветвью славян (я бы сказал: финским населением древнейшей Ладоги) и скандинавами доказанным для этой эпохи. Мне не кажется исключенной возможность, что палочка попала из горизонта *d* в горизонт *e*. Равдоникас считает возможными две гипотезы: 1) что стержень был завезен в Ладогу норманном, и 2) что славянин-ладожанин привез ее из Скандинавии »на память о своем странствии«. Признаюсь, что вторая возможность в силу своего сантиментально-романтического истолкования рунической палочки как сувенира туриста мне кажется совершенно неприемлемой. Почему же этот славянин, не понимавший даже значения магической рунописи на стержне, отнесся так пренебрежительно к своему сувениру, что бросил ее в кучу хозяйственных отбросов? Отмечу впрочем в скобках, что палочка в отличие от того горизонта, в котором она была найдена, не носит следов того »большого и единовременного пожара«, который Равдоникас считает стратиграфическим критерием

для различения горизонта e_2 от других горизонтов. Не следует ли думать, что палочка попала из более верхнего слоя в более низкий? И не следует ли вообще задуматься над этим пожаром, который может быть тождествен с тем пожаром, о котором говорит древнескандинавское стихотворение *Vandadrapa*, написанное скальдом Эйольфом в честь норвежского ярла Эрика, который между прочим в конце X в. во время Владимира Святого напал на Ладогу и сжог ее до тла?⁴⁾

4) Мои оппоненты почему-то приписывают мне мнение, что шведское (скандинавское) земледелие стояло выше славянского (я бы сказал: финского) земледелия. Я ничего подобного не утверждал, но напротив думаю, что скандинавское, финское и северно-русское земледелие стояли приблизительно на том же самом довольно примитивном уровне. Из найденного Равдоникасом в нижнем горизонте сошника мои оппоненты заключают вслед за ним, что земледелие стояло очень высоко у Ладожан. Прямую модель опубликованного Равдоникасом в *Советской Археологии*, т. XII, стр. 40, снимка сошника мои оппоненты найдут в снимке одного из сошников, найденных в разных частях Скандинавии, включая Финляндию, и опубликованных в труде моего коллеги-археолога П. В. Глоба⁵⁾. Он был склонен приурочить их к IX–X вв. Но найденный на острове Готланде экземпляр сошника приурочивается теперь уже к VI–VII вв.⁶⁾ При желании можно бы было из этой хронологии заключить, что сошник попал из Швеции в Ладогу, но я на этом решительно не настаиваю.

5) В последнем абзаце своей критической статьи мои оппоненты особенно сильно подчеркивают, что древнейшие жители Ладоги (по хронологии Равдоникаса в эпоху горизонта e) знали кроме пшеницы, проса, ячменя, овса и ржи также еще и двузерновку-полбу, и видят в нахождении полбы в »зерновом арсенале Ладоги« обстоятельство, наносящее »сильный удар« по моей теории, основанной будто бы на мысли о более высоком уровне скандинавского земледелия. Это первый по времени случай нахождения подобной зерновой культуры на Руси. Мои оппоненты утверждают, что полба »ни в древний период, ни в настоящее время не известна ни в Финляндии, ни в соседних с ней скандинавских странах«. Повторяю, я нигде не говорил о более высоком уровне скандинавского земледелия. Однако, приходится установить, что мои оппоненты ошибаются, думая, что полба была неизвестна скандинавам. Как показал Х. Хьелмквист⁷⁾ с помощью зерновых оттисков на доисторической скандинавской керамике, полба была известна шведам уже в младшем каменном веке наряду с пшеницей, рожью, овсом и т. д. Наидревнейшими местами нахождения полбы по новейшему исследованию Ханса Хельбэка⁸⁾ являются Швейцария (бронзовый век), Эльзас (железный век), Англия (ранний железный век и римский период), Дания (поздний бронзовый век), Готланд (поздний железный век) и северная Италия (ранний бронзовый век). Автор отмечает, что этот сорт пшеницы не распространяет-

ся сам собой, а прикреплен к тем этническим группам, которые расселились из средней Европы. Повторные утверждения, что полба встречается в России и Турции, автор считает недоказанными. Не имея возможности сопоставить результаты изысканий Е. А. Столетова, в частности то, что полба « древнейших времен» культивировалась у поморских (померанских?) славян, и что она может происходить из района Камы и средней Волги, с результатами датского ученого, я оставляю вопрос о происхождении ладожской полбы открытым и только подчеркну, что скандинавское происхождение ее совершенно не исключено. Удар, нанесенный мне моими оппонентами, я таким образом отнюдь не считаю сокрушительным, скорее наоборот.

б) Во избежание всяких дальнейших недоразумений мне хочется под конец еще раз уточнить мою мысль о колонизационном, а не завоевательском продвижении скандинавов-свеев в направлении Ладоги. Исходным пунктом моей теории является заимствованная мною у шведского слависта Рихарда Экблома⁹⁾ этимология термина *Русь*, которое произошло из финского *Rōtsi* = *Ruotsi*, обозначающего по сей день Швецию и передающее первый элемент шведского названия *rōds-karl*, т.-е. 'человек, живущий на защищенных водных путях'. Вопрос этот для меня является центральным, ибо я именно из этой этимологии вывожу свой тезис о мирном характере переселения свейских выходцев на восток. Я выступаю, другими словами, против господствующей в скандинавской науке романтической теории о том, что основание русского государства было результатом прямого завоевания русского пространства какими-то никогда не существовавшими шведскими викингами.¹⁰⁾ Такое завоевание *великого водного пути из варяг в греки* началось только с исторических экспедиций Аскольда, Дира, Олега, Игоря по занятии Новгорода по Днепру на Киев. Однако между исходом скандинавов из восточной, центральной Швеции, в которой раньше чем в других скандинавских странах образовалось крепкое государство свейских конунгов (*Sveariki*), с одной стороны, и исходом из Ладоги, а затем и Изборска, Белоозера и Новгорода русско-свейских дружин под предводительством местных конунгов, с другой стороны, был продолжительный промежуток времени. Во время именно этого промежутка происходило стихийное, не-государственное движение 'людей, живших на защищенных водных путях', движение, продолжавшее вековую миграцию из *лона народов*, как называет Швецию уж Иордан, на восток, и активированное, может-быть, созданием в Швеции государства. Одновременно уже веками двигалось по Днепру с юга на север славянское племя, доходило до Ильменского озера и проникало далее на север, соприкасаясь с финскими племенами. Вот эти три этнические группы – скандинавы, финны и славяне и столкнулись впервые в Приладожье. Культурный уровень их был по всей вероятности один и тот же, и симбиоз их был мирный. Но государственная традиция, с которой пришли в Приладожье скандинавы-свеи, была активирована здесь тем обстоятельством, что как им

самим, так и финнам и славянам, не имевшим еще государственной традиции, угрожала опасность со стороны двух волжских каганатов, и поэтому в противовес волжским болгарам и хазарам, требовавшим от них дани, возникло вокруг Ладоги, а затем при Ильмене под руководством сеев *первое русское государство*, в создании которого принимали участие и славяне и финны. Оно-то и заявило о своем существовании как в Константинополе, так и в имперском городе Ингельгейме на Западе высылкой первого посольства, которое сообщало о том, что государство их называется *Русью*, и что властвует над ними *каган*. Произошло это в 839-м году. Не мало было удивление имперского двора в Ингельгейме, когда оказалось, что послы эти говорят между собой по-шведски.

Такова моя позиция, и несмотря на все возражения моих уважаемых оппонентов, я продолжаю придерживаться ее, потому что она лучше всех других теорий объясняет факт сосуществования на севере русского пространства трех отличных друг от друга племен и факт создания первого русского государства-каганата в первой половине IX века.

NOTER – ССЫЛКИ

¹⁾ Max Vasmer: Russisches etymologisches Wörterbuch, II (1955), 5. ²⁾ Konrad Jażdżewski: »Geneza państwa ruskiego w świetle źródeł archeologicznych«, Studia Historica w 35-lecie pracy naukowej Henryka Łowmiańskiego (Warszawa 1958), 57. ³⁾ Holger Arbman: Svear i östervikling (Stockholm 1955), 30–43. ⁴⁾ Ibidem, 35. ⁵⁾ P. V. Glob: Ard og plov i Nordens oldtid (Århus 1951), 77–78. ⁶⁾ Nordisk kultur XIII: Landbrug og bebyggelse (Stockholm-Oslo-København 1956), 130–31. ⁷⁾ H. Hjelmqvist: »Die älteste Geschichte der Kulturpflanzen in Schweden«, Opera Botanica, I : 3 (Stockholm 1955). ⁸⁾ Hans Helbæk: »Die Paläoethnobotanik des Nahen Ostens und Europas«, Opuscula Ethnologica memoriae Ludovici Biró sacra (Budapest 1959), 273. ⁹⁾ R. Ekblom: »RUS- et VAREĠ- dans les noms de lieu la région de Novgorod«, Archives d'Études Orientales VII (Stockholm 1915), 8–10. ¹⁰⁾ Johannes Brøndsted: The Vikings. Translated by Estrid Bannister-Good (Penguin Books), London 1960, 59–64, – Eric Oxenstierna, Die Wikinger (Stuttgart 1959), 65–88. ¹¹⁾ Ad. Stender-Petersen: »Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen«, Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche III (Firenze 1955), 165–188. – Ad. Stender-Petersen: »Varægerspørgsmålet«, Viking (Oslo 1959), 43–55. – Ad. Stender-Petersen: »Die Varægersage als Quelle der altrussischen Chronik«, Acta Jutlandica VI : 1 (Århus 1934). – Ad. Stender-Petersen: »Der älteste russische Staat«, Historische Zeitschrift 191/1 (München 1960).